

Лай Ли лёг на спину, не кладя голову на колени брата; это было неудобно.

Самый большой синяк был на животе; когда Сун Цзычу нашёл возможность ударить его, Лай Ли ответил с удвоенной силой. Конечно, такие грубые детали не нужно было рассказывать брату.

Дай Линьсюань ладонью начал массировать круговыми движениями, другой рукой подтягивая пояс пижамы Лай Ли, чтобы не запачкать его мазью:

— Сяо Ли.

Лай Ли пошевелил ногой, через некоторое время отозвался:

— Ммм.

— Раньше ты не любил говорить о детстве, и я не спрашивал, — Дай Линьсюань опустил глаза, движения были мягкими. — Теперь можешь рассказать?

Мышцы на животе Лай Ли напряглись; Дай Линьсюань не торопил, продолжая массировать с мягким, но настойчивым давлением, не позволяя отказаться.

Он терпеливо ждал:

— Расслабься.

Лай Ли лежал на кровати с голым торсом; дыхание становилось тяжелее, он невольно посмотрел на одеяло и одежду неподалёку, словно обнажённым было не только его тело, но и его дух, и прошлое.

Отвратительное, уродливое, зловонное.

Внезапно его мозг разделился на две части.

Одна часть была наполнена яркими и мрачными воспоминаниями; знакомый голос говорил в ушах: «Твоя очередь. Я поставил всё, что у меня есть; если проиграю, я умру, и ты тоже, понимаешь? Твои руки и ноги, твоя голова, твои крепкие зубы — всё это твоё оружие».

Запах дохлой крысы изо рта собеседника смешивался с кислым запахом пота, слегка витая в носу Лай Ли.

Эти воспоминаний и запахи никогда не исчезали, всегда оставаясь живыми в «прошлом».

Но в то же время тепло ладони Дай Линьсюаня непрерывно передавалось в другую половину его мозга, связывая его с настоящим, и постепенно размывало эти не исчезающие воспоминания, а неприятный запах заменялся лёгким ароматом травяного отвара.

Мышцы под рукой явно расслабились; Дай Линьсюань снова нанёс мазь и начал массировать другое место:

— Не хочешь говорить?

Лай Ли схватил простыню, опустив тёмный взгляд. Он просто вдруг не был уверен, была ли утренняя мягкость и откровенность Дай Линьсюаня лишь попыткой выманить у него рассказ о прошлом.

А когда он всё узнает, вернётся к прежнему «фальшивому» состоянию хорошего брата.

Дай Линьсюань посмотрел на него:

— Не хочешь говорить или не хочешь говорить мне?

Лай Ли резко поднял глаза:

— Что ты имеешь в виду?

— Если первое, то как ты сможешь общаться с врачом, если даже мне не можешь быть откровенным? Врачу тоже нужно знать, как лечить, — Дай Линьсюань спокойно сказал. — Если второе...

Лай Ли схватил его за запястье:

— Я спрашиваю, почему у тебя вообще возник вопрос "не хочешь говорить или не хочешь говорить меня"!

Дай Линьсюань замолчал:

— Я просто хотел, чтобы ты знал, что не обязательно говорить, Сяо Ли. Тебе не нужно давить...

Лай Ли внезапно наклонился, прижав руку Дай Линьсюаня с мазью к кровати, другой рукой схватив его за ухо. Его тень накрыла Дай Линьсюаня; в сочетании с неярким светом это выглядело пугающе мрачно.

— Я действительно устал от того, как ты меня называешь.

Лай Ли сжал слишком сильно; у Дай Линьсюаня возникло ощущение, что кости трещали под давлением. Он попытался вырваться, но Лай Ли только сильнее прижал его.

На самом деле, как взрослый мужчина, который с детства занимался боевыми искусствами, если бы дело дошло до настоящего боя, даже если бы Лай Ли не смог одержать верх, он бы не позволил себе оказаться под полным контролем и не смог бы извлечь из этого особой выгоды.

Просто он полагался на свою привилегированную позицию, злоупотреблял любовью и подсознательно понимал, что они в любом случае не дойдут до открытого конфликта.

Негодяй.

Дай Линьсюань опустил взгляд:

— Какое обращение ты хочешь услышать?

— Ты знаешь, — Лай Ли выгнул спину, опустил голову и уперся лбом в брови Дай Линьсюаня.

— Ты так обращаешься ко всем, кто младше тебя: Сяо Чу, Сяо Чжоу, Сяо Фэй, Сяо И... и к детям из приюта. Брат, почему я должен быть таким же, как они?

— ...Ты думаешь, что ты такой же? — Дай Линьсюань не мог не рассмеяться.

— Конечно, я другой, но я мог бы быть ещё более другим, — в голосе Лай Ли звучала явная одержимость. — Ты уже дал мне это, почему ты забрал?

Дай Линьсюань слегка опешил:

— Сяо...

Лай Ли тут же закрыл его губы своими. Поцелуй был хаотичным и беспорядочным.

Без страсти, не похожий на поцелуй, скорее, как способ выплеснуть накопившееся за более чем восемьсот дней напряжение. Он изо всех сил старался впитать каждый вдох Дай Линьсюаня, словно наказывая его.

Он тяжело дышал и спрашивал:

— Почему ты не удалил то видео? Зачем ты его оставил?

Он не давал Дай Линьсюаню шанса ответить. Их губы и зубы сталкивались с громкими звуками. Дай Линьсюань нахмурился, быстро перебирая в голове возможные варианты, пока не вспомнил, что это было видео, где он называл Лай Ли «щенком».

Он думал, что Лай Ли просто забыл ту ночь, и поэтому не трогал другие видео в камере.

Запястье Лай Ли внезапно было схвачено. Он подумал, что Дай Линьсюань собирается сопротивляться, и тут же с яростью усилил давление, глубже проникая языком.

И вдруг он почувствовал ответ Дай Линьсюаня.

Дай Линьсюань успокаивающе коснулся его языка. Лай Ли почувствовал онемение во рту и инстинктивно отстранился, но Дай Линьсюань мягко последовал за ним, медленно касаясь его губ.

Слабый свет пасмурного дня падал на лицо Дай Линьсюаня, создавая атмосферу нежности и тепла.

Мозг Лай Ли на мгновение опустел. Дай Линьсюань действительно целовал его? Или это был просто отвлекающий манёвр?

— Я научу тебя, — голос Дай Линьсюаня прошептал ему на ухо, мягко направляя. — При поцелуе нужно закрывать глаза, это помогает расслабиться.

Лай Ли инстинктивно последовал совету, и все мелкие движения и ощущения стали бесконечно усиленными. Его губы были поцелованы, оставив влажный след, а затем чувствительное нёбо было слегка затронуто, оставляя зуд, который не прекращался.

В сердце Лай Ли поднялась волна неудовлетворённости и жажды. Он хотел большего.

Он отчаянно хотел получить больше нежности, чтобы заполнить пустоту внутри, развеять те смутные образы и звуки, доказать, что Дай Линьсюань будет заботиться о нём, останется из-за его ставки.

Он с тяжёлым дыханием вернулся к поцелую, как грабитель, исследующий рот Дай Линьсюаня, от нёба до корня языка, не оставляя ни одного уголка.

<http://tl.rulate.ru/book/5558/195069>